

Н.Н. Наседкин

Сулова Аполлинария Прокофьевна (1839–1918)

Возлюбленная Достоевского, впоследствии жена философа и писателя В. Розанова; писательница, автор книги «Годы близости с Достоевским» (1928). Родилась в семье крестьянина, который выкупил себя и свою семью у помещика, перебрался в Петербург, дал дочерям образование. Достоевский познакомился с Аполлинарией, вероятно, в начале 1861: девушка подошла к писателю после его выступления перед студентами на одном из благотворительных вечеров. Красота, гордый независимый характер, ум юной вольнослушательницы Петербургского университета, почитательницы его творчества не могли не поразить Достоевского. Притом, по утверждению дочери писателя Л.Ф. Достоевской, Сулова первая и письменно объяснилась Федору Михайловичу в любви (письмо, правда, не сохранилось). К тому же у девушки обнаружились литературные способности и вскоре, в октябрьском номере «Времени» за 1961, Достоевский напечатал ее повесть «Покуда», затем рассказ «До свадьбы. Из дневника одной девушки», повесть «Своей дорогой». В художественном отношении произведения Суловой событиями в литературной жизни тех лет не стали, но подкупали злободневностью (эмансипация женщин), искренностью.

Бурный роман Суловой и Достоевского, быстро миновав краткий период любви-страсти и полного взаимопонимания, вступил в затяжную стадию выяснения отношений, мучительства, измен. Перипетии этой любви Сулова воссоздала позже в повести «Чужая и свой», а Достоевский — в «Игроке». Но за рамками этого романа остались две главные причины, оттолкнувшие Сулову от Достоевского: вместо романтической возвышенной «поэтической» любви она встретила приземленную страсть пожилого мужчины, который к тому же не собирался ради нее не только бросить жену (как будто он мог оставить умирающую Марию Дмитриевну!), но даже забыть хоть на время о своих журнально-литературных делах, насущных бытовых проблемах.

Весной 1863 они вдвоем должны были ехать за границу, но писатель задержался из-за запрещения журнала «Время». Сулова поехала одна, а когда через некоторое время Достоевский приехал к ней в Париж, выяснилось, что катастрофа уже случилась. Аполлинария встретила там некоего молодого студента-испанца Сальвадора, влюбилась и пыталась предупредить-остановить Достоевского от приезда письмом-признанием: «Ты едешь немного поздно...» Федор Михайлович не успел получить ошеломительное известие и вынужден был пережить потрясение в непосредственном объяснении с любимой. Вот как по горячим следам изобразила мелодраматично эту доподлинно драматическую сцену сама Сулова в своем дневнике. Она сообщила ему, что уже «поздно»:

«Он опустил голову.

— Я должен все знать, пойдем куда-нибудь и скажи мне, или я умру...

<...> Когда мы вошли в его комнату, он упал к моим ногам и, сжимая, обняв с рыданием мои колени, громко зарыдал: “Я потерял тебя, я это знал!..”»

Можно простить третьей степени писательнице Суловой это «с рыданием... зарыдал», но предельное отчаяние Федора Михайловича она передать сумела. И дальше в дневнике — поразительная подробность, совершенно точно и знаменательно характеризующая автора «Белых ночей», «Униженных и оскорбленных» и повторяющая копирующая сибирский период жениховства Достоевского, когда он, узнав о Н. Вергунове, появившемся в жизни М.Д. Исаевой, соглашался уже хотя бы на роль друга и брата. Он выпытывает у Суловой, кто же такой его счастливый соперник и, узнав подробности, ощущает «гадкое», но даже в чем-то и утешительное чувство: «...ему стало легче, что это

не серьезный человек, не Лермонтов», и он, совершенно в духе и стиле своих героев, уговаривает Аполлинару не порывать до конца отношений с ним, он согласен оставаться всего лишь другом, братом — кем угодно, лишь бы находиться рядом, сохранять хоть какие-то надежды на возвращение ее любви и совершить вместе, как они и мечтали, путешествие по Европе. И, как ни поразительно, именно так все и случилось: они действительно путешествовали вместе (испанец вскоре Суслову бросил), останавливались в гостиницах в одном номере, правда, двухкомнатном, но все время находились вдвоем, наедине, и отношения между ними установились совершенно фантазмагорические. Вот еще характерные фрагменты дневника Аполлинару:

«...Часов в десять [вечера] мы пили чай. Кончив его, я, так как в этот день устала, легла на постель и попросила Федора Михайловича сесть ко мне ближе. Мне было хорошо. Я взяла его руку и долго держала в своей. Он сказал, что ему так очень хорошо сидеть. <...> Вдруг он внезапно встал, хотел идти, но запнулся за башмаки, лежавшие подле кровати, и так же поспешно воротился и сел.

— <...> Ты не знаешь, что сейчас со мной было! — сказал он с странным выражением.

— Что такое? — Я посмотрела на его лицо, оно было очень взволнованно.

— Я сейчас хотел поцеловать твою ногу.

— Ах, зачем это? — сказала я в сильном смущении, почти испуге и подобрав ноги.

— Так мне захотелось, и я решил, что поцелую.

Потом он меня спрашивал, хочу ли я спать, но я сказала, что нет, хочется посидеть с ним.

<...> Потом он целовал меня очень горячо...

<...> Сегодня он напомнил о вчерашнем дне и сказал, что был пьян.

<...> Вчера Федор Михайлович опять ко мне приставал. Он говорил, что я слишком серьезно и строго смотрю на вещи, которые того не стоят...

<...> У него была мысль, что это каприз, желание помучить.

— Ты знаешь, — говорил он, — что мужчину нельзя так долго мучить, он, наконец, бросит добиваться...

<...> Я с жаром обвила его шею руками и сказала, что он для меня много сделал, что мне очень приятно.

— Нет, — сказал он печально, — ты едешь в Испанию.

Мне как-то страшно и больно — сладко от намеков о Сальвадоре. <...> Какая бездна противоречий в отношениях его ко мне!

Федор Михайлович опять все обратил в шутку и, уходя от меня, сказал, что ему унижительно так меня оставлять (это было в 1 час ночи. Я раздетая лежала в постели). «Ибо россияне никогда не отступали...»

Ситуация совершенно в духе произведений Достоевского: Аполлинурия мечтает-грезит о Сальвадоре, но не в силах пока расстаться и с Достоевским; он же сгорает от страсти к ней, жаждет добиться прежней близости, однако ж, она жестоко кокетничает-играет с ним, поддерживая пламя его страсти, но почти не допуская к себе, и, по горькой догадке Федора Михайловича, не может ему простить, что отдала ему свою невинность, и теперь мстит. Но она, в свою очередь, вероятно, искренне была убеждена, что это он ее заставлял и заставляет страдать и признается уже позже (запись от 24 сентября 1864), что порою просто ненавидела его за эти причиняемые ей страдания...

Глубинные психологические мотивы этой любви-ненависти можно обнаружить в «Записках из подполья», в «Идиоте» (Настасья Филипповна — Тоцкий) и даже в «Исповеди Ставрогина». Сулова объясняла в дневнике причину вспышек своей ненависти к Достоевскому, в частности, и тем, что он «первый убил в ней веру». Он, со своей стороны, понимал это, чувствовал вину свою: недаром идея «Записок из подполья» вытеснила на время замысел «Игрока», который был задуман раньше. Сама Аполлинурия, прочитав еще только первую часть «Записок из подполья» и не догадываясь о непосредственных перекличках сюжета повести с историей их любви, в письме упрекала автора: «Что ты за скандальную повесть пишешь? <...> Мне не нравится, когда ты пишешь цинические вещи. Это тебе как-то не идет...».

В письме к сестре Аполлинурии, Надежде Прокофьевне (19 апреля 1865), уже слегка остыв, Достоевский все равно не в состоянии скрыть свою яростную обиду:

«Аполлинурия — большая эгоистка. Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны. Она требует от людей всего, всех совершенств, не прощает ни единого несовершенства в уважение других хороших черт, сама же

избавляет себя от самых малейших обязанностей к людям. Она колет меня до сих пор тем, что я не достоин был любви ее, жалуется и упрекает меня непрерывно, сама же встречает меня в 63-м году в Париже фразой: “Ты немножко опоздал приехать”, то есть что она полюбила другого, тогда как две недели тому назад еще горячо писала, что любит меня. Не за любовь к другому я корю ее, а за эти четыре строки, которые она прислала мне в гостиницу с грубой фразой: “Ты немножко опоздал приехать”. <...> Я люблю ее еще до сих пор, очень люблю, но я уже не хотел бы любить ее. Она не стоит такой любви.

Мне жаль ее, потому что, предвижу, она вечно будет несчастна. Она нигде не найдет себе друга и счастья. Кто требует от другого всего, а сам избавляет себя от всех обязанностей, тот никогда не найдет счастья. <...>

Она меня третировала всегда свысока. <...> В отношениях со мной в ней вовсе нет человечности. Ведь она знает, что я люблю ее до сих пор. Зачем же она меня мучает? Не люби, но и не мучай!..»

Но Сулова и сама мучилась не меньше. Именно в те парижские дни, когда Достоевский узнает, что «немножечко опоздал приехать», когда он сам находится на грани отчаяния, а Аполлиария, словно зло пародируя соответствующие сцены из «Униженных и оскорбленных», продолжала встречаться с Сальвадором и посвящала Федора Михайловича во все подробности своих взаимоотношений с испанцем, она решила даже покончить жизнь самоубийством. В дневнике она описала подробно, как сожгла перед этим некоторые свои тетради и компрометирующие письма (вот когда, вероятно, погибло и несколько бесценных писем влюбленного Достоевского!), как провела ночь в мыслях о самоубийстве, как пришла утром к Федору Михайловичу плакаться в жилетку, как он ее успокоил и на время примирил с гнусной жизнью и подлостью Сальвадора. О том, что запутанные, мучительные отношения с Достоевским и Сальвадором чуть не довели эту роковую женщину до суицида, можно в какой-то мере судить по сюжету документально-мемуарной повести Суловой «Чужая и свой»: в конце героиня ее, Анна Павловна — alter ego Аполлиарии Прокофьевны — бросается в реку...

Отношения Достоевского с Суловой продолжались и позже, вплоть до 1867, но уже практически только на эпистолярном уровне, однако ж и это доставляло минуты ревности уже второй жене писателя, А.Г. Достоевской. В последнем своем письме к Аполлиарии (23 апр.—5 мая 1867) Достоевский попрощался с ней так: «До свидания, друг вечный!..»

Эта женщина, действительно, счастлива не была: вышла замуж только в 40 лет (в 1880, еще при жизни Достоевского) за Розанова, которому было 24, и который женился на ней во многом из-за благоговейного отношения к Достоевскому; через 6 лет они расстались, но «Суслиха» (выражение Розанова) целых 20 лет не давала развода мужу, который создал другую семью. Дожила Сулова почти до 80 лет и умерла в 1918, в один год с Анной Григорьевной Достоевской и совсем недалеко от нее, тоже в Крыму. Еще в 1865, в период агонии взаимоотношений с автором «Униженных и оскорбленных», Сулова сформулировала в дневнике:

«Покинет ли меня когда-нибудь гордость? Нет, не может быть, лучше умереть. Лучше умереть с тоски, но свободной, независимой от внешних вещей <...> я нахожу жизнь так грубой и так печальной, что я с трудом ее выношу. Боже мой, неужели всегда будет так! И стоило ли родиться!..»

Запись эта во многом объясняет ее характер, ее судьбу.

Достоевский в большей или меньшей степени «вспоминал» Аполлиарию Сулову при создании образов таких героинь-мучительниц (кроме упоминаемой уже Настасьи Филипповны), как Авдотья Романовна Раскольниковы («Преступление и наказание»), Аглая Епанчина («Идиот»), Ахмакова («Подросток»), Катерина Ивановна Верховцева («Братья Карамазовы»), но в первую и главную очередь, конечно, — Полина из «Игрока».

Сохранились 3 письма Достоевского к Суловой (1865–1867) и 2 письма Аполлиарии к писателю (1863–1864).